

и исторические судьбы восточного славянства. – М.: Наука, 1982. – 264 с. – С. 151–238.

19. Błaszczuk, G. Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności: 1492–1569 / G. Błaszczuk. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2002. – 336 p.

20. Jablonowski, H. Westrusland zwischen Wilna und Moskau. Die politische Stellung und die politischen Tendenzen der russischen Bevölkerung des Grossfürstentums Litauen im 15. Jh. / H. Jablonowski // Studien zur Geschichte Ost Europas. – Leiden: Brill, 1955. – 167 p.

21. Kolankowski, L. Polska Jagiellonów. Dzieje polityczne / L. Kolankowski. – Lwów: Ślad główny w księgarni Gubrynowicz i syn, 1936. – 374 p.

22. Pietkiewicz, K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellonczyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku / K. Pietkiewicz. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1995. – 256 p.

Моральный фактор справедливости как катализатор национального самосознания белорусов в истории

Мушинский Н. И.

г. Минск, БНТУ

Морально-этический фактор играет важную роль в историческом процессе; чувство исторической справедливости, стремление занять достойное место среди других народов часто становится движущей силой этногенеза. Это в полной мере касается этноконфессиональных процессов в истории Беларуси, когда именно осмысление фундаментальных общечеловеческих критериев справедливости послужило катализатором становления национального самосознания белорусов, поскольку «ідэя нацыянальнага вызвалення... ідэя незалежнасці народу... гэтая ідэя... справядлівая» [1, с. 18]. Именно через понятие справедливости проблемы национального возрождения и обретения государственной самостоятельности в исторической перспективе поднимаются на уровень этико-философского дискурса.

С точки зрения вынесения справедливого суждения о тенденциях этногенеза на территории Беларуси, можно констатировать, что затруднения в этой области связаны со сложными историческими

судьбами белорусского народа, противоречивостью летописных источников и политической ангажированностью в современных условиях. Слишком часто на протяжении новейшего периода (19–20 вв.) сопредельные страны стремились исторически обосновать свои «справедливые права» на ту или иную часть белорусской территории, отказывая белорусам в какой-либо этнокультурной самобытности и, соответственно, в справедливости их притязаний на самостоятельную государственность (политика русификации со стороны царского режима, полонизации западно-белорусского населения в первой половине 20 в., сложный вопрос об исторических «литвинах» и т. п.). Для создания объективной картины событий с учётом критериев подлинной справедливости целесообразно использовать комплексный системный метод на основе сравнительного анализа данных топонимики, археологии, структурной лингвистики, с элементами социально-философской реконструкции.

Таким образом, приходится признать, что коренное население указанных территорий обитало здесь всегда, уходит своими истоками в глубины первобытнообщинной формации, на протяжении исторической памяти не сохранилось сведений, чтобы славянско-белорусский элемент являлся откуда-либо пришлым и привнесённым. Как и в остальной Западной Европе, заселение происходило в достаточно поздний период, в геологическую эпоху на рубеже последнего оледенения (сравнительно с Африкой – «прародиной» человечества и Азией). По мере таяния ледника, на берегах рек возникали древнейшие стоянки людей. На территории Беларуси – это в Гомельской области поселище Подлужье (Чечерский район, на реке Сож); стоянка Юровичи (Калинковичский район, на реке Припять); в Могилёвской области – Абидовичи, (Быховский район, на реке Днепр). Все они соответствуют мустьерской культуре верхнего палеолита (стадия неандертальца). Что касается мезолитических и, особенно, неолитических поселений, то они известны в большом количестве и приводить их подробно нет смысла. Это уже человек современного антропометрического биотипа, но на более низкой стадии культурного развития. Постепенно у него формируются протославянские черты внешнего облика и языка, о чём уже свидетельствуют античные авторы, начиная с Геродота (а также, более поздние византийские и арабские). Тем самым, следует признать, что «белорусское племя искони занимало ту самую

территорию, на которой оно живёт и поныне... Никакие иные народы никогда не занимали этой территории. Таким образом, белорусское племя сохранило наибольшую чистоту славянского типа... Вот почему даже внешний облик типичного белоруса совпадает с теми описаниями внешнего вида славян, с которым мы встречаемся еще у древних писателей» [2, с. 25–26]. Такого рода этнокультурная укоренённость, отличающая белорусов от многих других европейских национальных общностей (германских, романских и др.), совершавших обширные миграции в эпоху «переселения народов», особенно в середине первого тысячелетия новой эры, вытеснявших и покорявших друг друга, служит лишним доводом в пользу справедливости государственной самостоятельности современных белорусов.

По мере освоения указанных территорий и увеличения плотности народонаселения, на основе протославянской общности происходит становление отдельных племенных групп, уже несущих в себе непосредственно белорусское начало. Исследователи признают, что «выделение из среды... славян предков белорусов произошло в очень давнее время... Племена радимичей, дреговичей и кривичей положили начало белорусской национальности» [2, с. 21–22]. При этом вопрос о кривичах остаётся во многом дискуссионным: проблема состоит в том, что наименование «дреговичей» имеет прямой эквивалент в современном белорусском языке, «дрыгва» означает «болото» (наиболее типичный ландшафт Беларуси до проведения системной мелиорации во второй половине 20 в.). Таким образом, «дреговичи» – это обитатели болотной местности, «болотные люди» (так же как «поляне», «древляне» и т. п., этимология которых в славянских языках тоже легко прослеживается). В то же время «кривичи» не переводятся на современные славянские языки, однако имеют эквивалент в литовском, и даже финском языках (вообще, в литовском языке это распространённый оборот, например, верховный языческий жрец назывался Криве-Кривейте и т. п.). Более того, в литовском языке есть однокоренные слова тоже связанные с понятием «болотистой местности». При этом считается, что исторические «кривичи» сами себя так не называли, а ранние летописи распространяют их влияние далеко на север, на территорию Новгородской и Псковской области, т. е. местность проживания современных великорусских народностей. Из этого делается вывод,

что «кривичи» – это скорее всего перевод на литовский язык того же самого слова «дреговичи» (с которыми литовцы столкнулись раньше всего), впоследствии распространённый на все восточнославянские племена. С другой стороны, есть сведения, что кривичи практиковали огненное погребение, в то время как дреговичи хоронили умерших в земле... Вопрос остаётся открытым.

Следующий этап становления национального самосознания белорусов связан с образованием княжеств (Полоцкого, Турово-Пинского и др.), и принятием христианства. Пытаясь оценить указанные процессы по справедливости, исследовать причины столь разительных социокультурных изменений, можно предположить, что они связаны с переходом в сфере материального производства от первобытных охоты и собирательства к земледелию. Систематическая хозяйственная деятельность исключает влияние случайностей, снимает угрозу голода, поэтому сопровождается демографическим скачком. Земледелец связан с возделанным полем, поэтому переходит от кочевой жизни к оседлости. Раз в год он собирает урожай, становится обладателем дополнительных ресурсов, привлекательных для разного рода маргинальных элементов (младших сыновей в патриархальных семьях, которым не досталось земельного участка; кочевым народам степной полосы, тоже переживающим демографический подъём при переходе к скотоводству и т. п.). При этом труд земледельца носит круглогодичный сезонный характер, он не может отложить свою работу, чтобы лично заняться защитой накопленных материальных благ в условиях «войны всех против всех»; если засеять поле не вовремя, то всё равно ничего не вырастет. Поэтому неизбежно наступает процесс феодализации: сообщество земледельцев, жертвуя в форме налогов частью накопленных благ, «нанимает» для своей защиты кого-то из указанных «маргиналов» (выбирая самых предприимчивых, «пассионарных» и, в то же время, по возможности не связанных родственными узами с местным населением, «взятых со стороны»), заключает с ними негласный «общественный договор». Так в Новгороде и Киеве появляются Рюриковичи, в Полоцке – Рогволодовичи (это, собственно, не имя, а прозвище: «владеющий рогом», т. е. предводитель воинской дружины), несколько позднее, в период борьбы с татаро-монгольским нашествием, – Гедиминовичи, создавшие на белорусских землях Великое Княжество Литовское; аналогичным образом

появлялись те же татары на русской службе – Шереметьевы, Юсуповы и другие известные позднее дворянские фамилии.

При этом системообразующий земледельческий элемент остаётся славянско-белорусским. Общая тенденция состоит в постепенном укрупнении, упрочении государственности (для более эффективного отпора кочевым народам «Дикого поля» и, в дальнейшем, «миру ислама»): от первобытных племён – к разрозненным феодальным княжествам, Великому Княжеству Литовскому, Речи Посполитой, Российской империи. В сфере идеологии роль связующего звена выполнило христианство, послужившее тем самым своеобразным «катализатором» национального самосознания белорусов в истории. Этому способствует также его содержательный фактор, противопоставляющий нравственный принцип всеобщего единения («возлюби ближнего») языческой разобщённости, когда у каждого рода – свои боги-покровители, пращурь (пережиток первобытного тотемизма). «Хрысьціянства – гэта такжа навука і аб нашай этыцы, аб нашай маральнасьці... Хрысьціянства прынесла ў Беларусь глыбейшае паняцьце... справядлівасьці, бо яно першае пачало вучыць аб любові бліжняга, аб справядлівасьці, апёртай не на сіле, а на праўдзе... Хрысьціянства магутна прычынілася да паўстаньня беларускай нацыянальнасьці» [3, с. 333–334]. Показательно, что христианство приходит на Беларусь именно в форме православия, уже неоднократно выступавшего до этого в роли государственной идеологии крупных имперских образований (Рим, Византия). Только позднее, уже в период Речи Посполитой, к православию присоединились пришедшие из Западной Европы католицизм и протестантизм, однако так и не смогли затронуть «простой народ», наиболее многочисленную группу собственно земледельческого и ремесленного населения. Как бы то ни было, возникшая между ними полемика тоже объективно способствовала дальнейшему обретению национального самосознания: «Памаглі... разьвіцьцю беларускай мовы і культуры... рэлігійныя сваркі... Спрачаючыся між сабой, каталікі і праваслаўныя, каталікі і пратэстанты, праваслаўныя і ўніяты стараліся... навучыць сваей веры шырокія народныя масы... найлягчэй у роднай мове народу. Вось жа... праціўнікі пісалі кнігі... па-беларуску... і такім чанам разьвівалі беларускую мову і культуру» [3, с. 127]. Показательно в этом отношении историческая фигура Франциска Скорины,

тоже порождающая массу разночтений, требующая вынесения справедливой оценки. До сих пор чётко не установлена его конфессиональная принадлежность: будучи выходцем из городского сословия (мещанства) Полоцка, Скорина несомненно является православным. Однако, обучаясь в Кракове и в Италии, он не мог избежать католического влияния. Идея же о том, что Библию следует перевести на простой народный язык (с латыни) и растиражировать типографским способом (сделать общедоступной, принцип индивидуальной религиозной веры), – чисто протестантская. При этом Скорина пишет по-белорусски, но называет свой труд «Русской Библией», что вызывает в наше время неоднозначные трактовки: «Скарына... сваю мову заве «руски язык» і выразна яе адрозьнівае ад «языка словенскаго». Будучы ж сам беларусам з Полацка..., пераводзіў на мову іменна беларускую» [3, с. 121]. Можно предположить, что в данном случае речь идёт не о национальной, а именно о языковой принадлежности, причём «Русь» бывает разная («Московская», «Литовская», «Белая» и т. п.), что для Скорины представляется самоочевидным и несущественным. Это отнюдь не мешает жителям Беларуси вплоть до середины 19 в. идентифицировать себя в качестве «литвинов» (Костюшко, Мицкевич, Гриневицкий, Калиновский и др.). В данном случае имеется в виду тоже не национальная принадлежность, а гражданство (Великого Княжества Литовского); всякие иные трактовки вряд ли можно считать справедливыми: «Вось чаму Грынявіцкі, як і Каліноўскі, будучы беларусам і працуючы для Беларусі, цалком ня знаючы літоўскай мовы, зваў сябе літвінам» [3, с. 168]. Аналогично византийские греки называли себя «ромеями» (т. е. «римлянами», гражданами Восточной Римской империи); шотландцы – британцами и т. п.

Тем не менее, развитие национального самосознания продолжалось в истории, катализатором чего выступили драматические события разделов Речи Посполитой, противоположные тенденции политики русификации и полонизации на белорусских землях со стороны российского самодержавия и, соответственно, польской национальной элиты, активно вступившей на путь борьбы за восстановление своей государственности (общества «лучезарных», Свислочское, «Зорян», филаретов – «любителей добродетели», филаретов – Ян Чечот, Игнатий Домейко, и др.). На рубеже 19–20 вв.

этнические белорусы были вынуждены чётко отграничить себя от тех и других, чтобы сохранить свою самобытность соответственно критериям справедливости; сам термин «Беларусь» начал широко использоваться и наполнился новым содержанием в контексте процессов зарождения национальной литературы на белорусском языке и с появлением специализированных этнографических исследований (М.В. Довнар-Запольский и др.). Так в 1891 г. Ф. Богушевич опубликовал в Кракове сборник «Дудка беларуская» (под псевдонимом Матей Бурачок), а в 1894 г. в Познани «Смык беларуский» (псевдоним – Сымон Ревка). В 1903 г. издал свои стихотворения Янка Лучина (Неслуховский); можно также привести таких авторов – «белорусов», как Адам Гуринович, Казимир Костровицкий (Карусь Каганец), Ольгерд Обухович, Якуб Колос, Янка Купала.

Указанные процессы продолжались и в дальнейшем, предопределили обретение белорусами собственной государственности в современных условиях. При этом моральный фактор справедливости неизменно выступает катализатором национального самосознания в истории Беларуси.

Использованная литература

1. Суліма. «Гэтым пераможаш! ...» (Нарысы крытычнага аптымізму) // Заходняя Беларусь: Зборник. Кн.1. – Вільня, 1923. – 123 с.
2. Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии. – Минск: Беларусь, 2003. – 680 с.
3. Станкевіч А. З Богам да Беларусі: Збор твораў. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2008. – 1097 с.

Рэлігійныя абшчыны нацыянальных меншасцей ў перыяд станаўлення і развіцця БССР (1920–1930-я гг.)

Пушкін І. А.

г. Магілёў,
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт харчавання

Савецкая нацыянальная палітыка характарызувалася тым, што, з аднаго боку, яна прызнавала факт існавання нацый і народаў у СССР і ў пэўнай ступені садзейнічала іх развіццю ў межах савецкіх рэспублік, а з другога – і гэта было асноўнай, праграмай,